

вырастает роман Мариво, Ричардсона и их последователей, рождается новая «буржуазная» драма; наконец, сентиментализм определяется к середине века как значительное движение. Русские литераторы этой же эпохи, еще двигаясь к классицизму, а затем укрепляя его, в то же время жили и творили уже в эпоху формирования сентиментально-моралистической литературы, ее журналистики, ее эстетических концепций. Это отразилось и на их понимании задач литературы. Но настаивая на моральной полезности литературы, они выдвигали на первый план не личные и семейные добродетели, а гражданские доблести, сочетая гражданскую дисциплину классицизма с нравственной учительностью раннего сентиментализма.

Следует обратить внимание на то, что Тредиаковскому в ранний период его творчества был мало свойствен интерес к идее граждански-полезного учительного искусства; тогда он находился еще под влиянием французской поэзии салонного стиля, которое он сочетал с академическим и аналитическим формализмом мышления; правда, мысль о «прославлении» русского языка и поэзии была у него и тогда, но она не вела его к утилитарно-общественному обоснованию искусства. И «Езда во остров любви» — книга, толкующая литературу как изящную забаву, украшение жизни и утеху изысканных ценителей красоты, тонких чувств и замысловатого остроумия, — и оригинальные стихи Тредиаковского той же поры, сочетающие мотивы Буало, поэзии в духе Ла-Фара или Шолье с одами в манере Жана Батиста Руссо и с традициями, шедшими от Симеона Полоцкого, еще в значительной мере чужды установки на гражданскую и моральную проповедь. Но зрелому Тредиаковскому эта установка в высшей степени свойственна. Исходя из нее, он прославляет поэзию как важное государственное дело, защищает ее от легкомысленного барского пренебрежения к ней. Это было остро необходимо тогда, когда и сам Тредиаковский был принужден сочинять по заказу стишки для шутовской свадьбы и когда его, поэта, мог исколотить до полусмерти наглый временщик, смотревший на него, как на слугу. С тем большим подъемом доказывает Тредиаковский, что поэт — это мудрец, учитель народа, пророк, что поэзия — это святыня. «Древние нам предали, что Поэзия была священнойшею и первейшею философию, которая с начала веков образу жизни научала, путь показывала к добродетелям и провождала по нем, а особливо прославляла Бога и его величие и свойства. Основательно Платон написал... род пиитов есть божественный. Также и блаженный Августин написанное негде (где-то) оставил: первые Пииты теологами названы, для того что они многое о бессмертном Боге воспевали. Сим же почитай самым образом и упомянутый Платон в Федре утверждает еще: пииты, божеским благодеянием поданные, многую пользу грекам